

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
В ПОСТОРДЫНСКИХ ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ
В XVI ВЕКЕ (КРЫМСКОЕ И КАЗАНСКОЕ ХАНСТВА):
ТЕТИ И БАКШЕИ**

М.В. Моисеев

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
maks-moisee@yandex.ru*

Цель исследования: изучить проблему формирования посольской службы в постордынских государствах. Выявить ее структуру и проанализировать персональный состав.

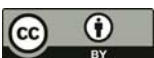
Материалы исследования: работа построена на анализе русских посольских книг и летописей.

Результаты и научная новизна: изучение русских документов показало, что для ханских посольств характерна трехчастная структура: посол (эльчи)-заместитель (тетя)-секретарь (бакши). Термин «тетя» крайне неохотно использовался русской канцелярией, не исключено из-за того, что носитель этого звания отвечал за сбор неких пошлин с русских земель в пользу хана. Вероятно, что русские документы называли «тетя» пошлинником, во всяком случае нам известно, что посол мог приехать с «пошлинниками». После 1475 г. пошлины были упразднены. Всего было выявлено 7 упоминаний крымских тетей и 6 казанских. Более полно сохранились упоминания о бакшеях в посольствах. Всего было установлено 18 крымских, 8 казанских, 2 ногайских и 1 сибирский бакшей. Одна из главнейших задач бакшеев это составление шертной грамоты. Поэтому наблюдение за составом посольской миссии имеет и источниковедческий характер. Так, даже если и нет сведений о шертовании, само наличие в миссии бакшея служит надежным маркером того, что итогом переговоров ожидалось шертование. Исследование показало, что мы можем говорить о процессе формирования в постордынских чингизидских государствах дипломатической службы.

Ключевые слова: дипломатическая служба, посол, эльчи, тетя, бакшей, посольские книги

Для цитирования: Моисеев М.В. К вопросу об организации дипломатической службы в постордынских чингизидских государствах в XVI веке (Крымское и Казанское ханства): тети и бакшеи // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 681–692. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.681-692 EDN: SQPYEI

© Моисеев М.В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE ORGANIZATION OF THE DIPLOMATIC SERVICE
IN THE POST-HORDE CHINGISID STATES IN THE 16TH CENTURY
(CRIMEAN AND KAZAN KHANATES): “TETS” AND “BAKSHIS”

M.V. Moiseev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
maks-moisee@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* This study investigates the development of the embassy service in the post-Horde states, with a specific focus on identifying its structure and analyzing its personnel composition.

Research materials: The research primarily relies on the analysis of Russian embassy books and chronicles.

Results and novelty of the research: The examination of Russian documents reveals that Khan's embassies followed a three-part structure: Ambassador (elchi)-deputy (tet)-secretary (bakshi). The Russian chancellery was notably reluctant to use the term “tet,” likely because individuals with this title were responsible for collecting specific duties from Russian lands in favor of the Khan. It is possible that the Russian documents referred to the “tet” as a toll collector; in any case, we know that ambassadors could be accompanied by “toll collectors.” After 1475, these duties were abolished. In total, 7 mentions of Crimean tets and 6 Kazan tets were identified. References to baksheys in embassies are better preserved, with a total of 18 Crimean, 8 Kazan, 2 Nogai, and 1 Siberian bakshi identified. One of the primary responsibilities of baksheys was to compile a certificate. Thus, the observation of the embassy mission's composition relies on source-based evidence. Even when there is no specific information about shoring, the mere presence of a bakshey serves as a reliable indicator that the outcome of the negotiations was expected to involve shoring. The study reveals that we can discuss the process of forming the diplomatic service in the post-Horde Chingisid states.

Keywords: diplomatic service, ambassador, elchi, tet, bakshey, embassy books

For citation: Moiseev M.V. On the organization of the diplomatic service in the post-Horde Chingisid states in the 16th century (Crimean and Kazan khanates): “tets” and “bakshis”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 681–692. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.681-692 (In Russian)

Изучение сохранения и эволюции золотоордынских институтов власти в постордынских государствах составляет особую отрасль в мировой историографии. К подобным вопросам можно отнести и проблематику организации дипломатической службы. Надо признать, что сам институт дипломатической службы возникает только в XIV в. и как утверждают специалисты только в итальянских государствах – Миланском герцогстве и герцогстве Мантуи и, лишь, позднее появляется в других странах [6, с. 10]. Общими чертами для всех внешнеполитических служб относят следующие:

- «- наличие государственных внешнеполитических канцелярий;
- формирование класса оплачиваемых из государственной казны чиновников, профессионально занимающихся обеспечением внешнеполитической деятельности государства;

- распространение системы взаимных постоянных дипломатических представительств;
- появление особого типа дипломатической корреспонденции и дипломатических архивов» [6, с. 10–11].

Вопрос о том насколько выделенные черты были реализованы в постордынских сообществах относится к дискуссионным. Одна из основных проблем исследования государств наследников Золотой Орды – это источниковый голод, из-за которого почти невозможно исследование властных институтов Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Впрочем, несмотря на возможный скептицизм, основываясь на исследовательской литературе мы можем утверждать, что в Крымском ханстве можно наблюдать элементы складывающейся внешнеполитической службы. Постепенно формируется система взаимных дипломатических представительств, которая вырастает из системы посольского гостеприимства, а именно правила размещения и содержания временных иностранных посольств¹. И.В. Зайцев показал, что первоначально русские послы проживали при ханской ставке, с 1530-х гг., после постройки Бахчисарая, русские посольства стали размещаться в селе Качи-Кальоне, в XVII в. стан послов был перенесен в деревню Бююк-Яшлав (все эти населенные пункты были местами проживания христиан [8, с. 37–47]. Кроме этого, в Крымском ханстве мы встречаем начало формирования «класса оплачиваемых из государственной казны чиновников, профессионально занимающихся обеспечением внешнеполитической деятельности государства». Надо признать, что этот институт еще финансировался не столько из государственной казны, сколько из средств иностранных государств, но он обеспечивал внешнеполитическую деятельность. Речь идет об институте «амиатства». В советской историографии бытовало две точки зрения. А.А. Новосельский писал об амиатах, как посредниках в дипломатических отношениях [11, с. 19], а С. О. Шмидт, наоборот, как своего рода агентах влияния [19, с. 266–375]. В недавнее время А.В. Виноградов привел убедительные доказательства в пользу версии А.А. Новосельского. В Крымском ханстве сформировалась система, когда контакты с Русским государством и Великим княжеством Литовским и короной Польской курировались представителями двух кланов: Яшлавский/Сулешевых (русское направление) и Кулюковых (литовское направление) [2, с. 26–73; 3, с. 26]. Все это несомненно являлось элементами формирующейся системы дипломатической службы, но до сих пор не изученным остается вопрос об организации посольской службы. Сама по себе проблематика посольской службы в постордынских государствах довольно интересна, но может быть изучена лишь частично. У нас в распоряжении нет документов, рисующих принципы отбора дипломатов, более того это почти невозможно, уточнить для Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Одновременно с этим, в случае с Крымским ханством и Ногайской Ордой русские документы дают настолько обильный материал по персоналиям послов, что его весьма сложно обобщить в рамках одной статьи. Именно поэтому автор для этого своего исследования выбрал более скромную цель: рассмотреть принципы организации посольств от ханов. В этой работе я

¹ Проблема образования постоянных посольских представительств относится пока еще к не полностью исследованным темам. Впервые постоянные посольства возникают при папском дворе, а вот распространение этой системы на всю Европу растянулось на длительное время и завершилось в полной мере в 1-й четверти XVIII в.

проанализирую, во-первых, структуру ханских посольств, во-вторых, упоминание в документах должностей «тетя» и «бакши», в-третьих, их персональный состав.

В этом контексте довольно любопытно, что некоторые из черт организации посольской службы мы можем встретить и в Золотой Орде. В частности, нам известно, что в золотоордынской канцелярии были специальные дипломатические должности: эльчи – посол и тетя – советник посла [7, с. 33]. Впрочем, такой трактовке тетя – «титяма», впервые упоминавшегося в Лаврентьевской летописи, возражает С.А. Маслова. Исследовательница утверждает, что «Должность титяма предстает вне регулярной бюрократической системы, деятельность других титямов на Руси источники не фиксируют. Он мог приехать на Русь в качестве инспектора – наблюдать за соблюдением интересов Каракорума». По ее мнению, должность «титяма» ни прижилась в канцелярии Улуса Джучи [10, с. 103, 124]. При описании отношений Орды с русскими землями в XIV веке автор отмечает, что среди функций ордынских послов были не только передача воли своего господина, посаждение князя на престол, доставка ярлыков, но также взимание выплат в пользу хана. Кроме ханских послов, были и послы от высокопоставленных представителей ордынской аристократии [9 с. 82–83; 10, с. 125–127]. Великокняжеские власти обязаны были содержать ордынских послов и снабжать их дарами [10, с. 129–130]. Ю.В. Селезнев, проведя анализ института послов в практике отношений Руси и Орды, показал на основе собранных данных, что сбор дани и/или недоимков не был основным в их деятельности. Чаще всего послы или доносили волю хана или сопровождали русских князей [17, с. 249]. В целом, можно признать, что институт ордынских послов имел мало общего с дипломатической службой, а являлся своеобразной формой контроля и подчинения покоренных земель в управленческой практике Улуса Джучи.

Серьезные изменения произошли в результате выделения из Орды территорий, которые стали управляться Чингизидами. Именно образование Крымского, Казанского и других ханств, обострившаяся борьба с Большой Ордой, которая предпринимала меры по удержанию отделившихся областей под своим контролем, поставили на повестку дня вопрос о поиске союзников и как следствие внешнеполитической деятельности. В этих условиях начинают развиваться двусторонние отношения между ханствами Чингизидов и бывшими подданными. В основе организации этих отношений, конечно, была еще старая, унаследованная от ордынских времен система, но если ранее институт послов являлся институтом ордынской власти, то теперь он эволюционировал в один из элементов дипломатической службы. Обращение к посольским материалам показывает, что крымская канцелярия прекрасно знала термин «тетя». В 1508 г. упоминается тетя Абдел-Авель ших-заде [16, с. 43]. В 1534 г. тетя в составе крымских посольств упоминается не раз. Например, в грамоте Ислам-Гирея: «шертную и ротную грамоту с своим ярлыком с пошлым с своим слугою, з болшим послом, с Темешем-князем Далиева благороднаго сына тетем есми учинил и достаточна посла послал есми»². Упоминается тетя и в другой его грамоте: «...с своим з болшим послом, которой прямо в той и в болшей думе был, Темеша-князя, да с ним пошлово своего слугу Аличелябия тетем и бакше-

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 143.

ем...»³. В 1536 г. Ислам-Гирей, описывая состав своего посольства, вновь упоминает тетя: «...прикошевав, великово своего человека Бачага князя посольством послал есми к тебе, а с ним тетя Абдыллу князя...»⁴. В посланиях от августа 1536 г. Ислам-Гирей опять же указывает своего тетя⁵. В декабре 1536 г. Ислам-Гирей сообщал об отправке ко двору малолетнего великого князя Ивана IV Васильевича посла Темеш-бека коурата с тетем Абдал-беком⁶. В 1538 г. хан Сахиб-Гирей сообщал, что послал в Москву «...пошлово тетя ичку, слугу своего Аиким Бердея, да бакшея Асеша (а)фыза посал есми»⁷. В 1545 г. упоминаются члены крымского посольства в Москву тетя Газы и бакши Ша-Ислам-Дуван⁸. Хан Мухаммед-Гирей II писал в июне 1578 г. об отправке посла Араслан-мирзы сына бека Сулейманши и тетя муллы Абдил-Саляма⁹. Известны тети и в отношениях Крымского ханства с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской [7, с. 31–32]. В русской канцелярской практике должность тетя утеряла персональную привязку и передавалась в форме «тетя-млешь»¹⁰, так же есть вариант «тетя-бакшей»¹¹. Эта форма свидетельствует об устойчивой структуре организации посольств, в которые кроме непосредственно посла входили тетя (советник или заместитель посла) [7, с. 32] и бакшей (секретарь посольства).

Еще одно обстоятельство употребления слова «тетя» обращает на себя внимание. Его активно использует в своих посланиях Ислам-Гирей в 1534–1536 гг., хан Сахиб-Гирей в 1538 и 1545 гг. и хан Мухаммед-Гирей в 1578 г., в остальные годы этот термин не фиксируется. С чем это может быть связано? Первое, что приходит на ум – это особенности политики крымских ханов. Известно, что Ислам-Гирей выступал как защитник традиций кочевой жизни в Крымском ханстве, однако Сахиб-Гирей вошел в историю, наоборот, как сторонник реформирования устройства ханства и перехода к оседлой жизни, да и Мухаммед-Гирей II не был эталоном степного воителя. Поэтому частота употребления термина «тетя» не связана с идеологией крымского хана. Следовательно, объяснения особенности употребления этого обозначения дипломатической должности стоит искать в переводческих практиках Московского государства. При этом надо помнить, что само слово «тетя» переводчикам было известно. Об этом красноречиво свидетельствует случай ноября 1493 г., обнаруженный И.В. Зайцевым, когда крымские сановники для объяснения распределения ролей в русском посольстве, назвали тетем Константина Малечкина, а послом боярина Плещеева [7, с. 32]. Не исключено, что избирательность в словоупотреблении была связана со стратегией умолчания, описанной Чарльзом Гальпериным [4, с. 65–97; 5, с. 201–209]. Пока еще было актуально ордынское наследие, то возможно при редакции перевода, чтобы

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 162об.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 285.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 293, 301.

⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 308.

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 537об.

⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 5.

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 365.

¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 381; Там же. Кн. 14. Л. 206об., 211, 212об., 213об.

¹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 74об., 107об., 110об., 127, 135об., 276об., 280, 465, 466.

не вызвать не нужных ассоциаций, «тетя» убирала. Это в свою очередь вновь возвращает нас к ордынским практикам и упоминанию в Лаврентьевской летописи «титяма», который взимал с русских чрезвычайные поборы. Известно, что ханские послы могли в русских землях взимать некие пошлины на хана, из документов русско-крымских отношений конца XV в. посол мог приехать с некими «пошлинниками» и именно этот вопрос скрупулёзно обсуждался в ходе русско-крымских переговоров в 1474–1475 г. [15, с. 14]¹². Если предположить, что «пошлинники»—это и есть «тетя», то, тогда вполне понятна стратегия умолчания. Даже добившись отмены пошлин еще в 1475 г. и подтвердив это в 1477 г. русские не хотели использовать этот термин и не только из-за травматических воспоминаний, но и для того, чтобы не создавать предпосылок для не верной трактовки текстов в последствии. В 1530-е гг. практика получения пошлин чингизидскими посольствами с русских земель уже стала преданием старины и поэтому переводчики стали чаще использовать термин «тетя» – теперь он не имел дополнительных коннотаций, кроме – второй человек в ханском посольстве. Впрочем, это предположение может вызвать возражение. И, главное, то, что если «тетя» исполняли роль «пошлинников», то отчего тогда крымские власти применили термин «тетя» по отношению к русскому послу в ноябре 1493 г.? Вряд ли мы можем полагать, что русские могли тогда взимать с Крымского ханства какие-нибудь пошлины. Не исключено, что спорадическое использование термина «тетя» может быть объяснено нерегулярностью его упоминания в текстах посольских грамот. Таким образом, подводя промежуточный итог нашим рассуждениям, следует признать, что частотность употребления лова «тетя» еще нуждается в дальнейших розысканиях.

Право отправлять «тетя» было только у Чингизидов и признавалось только за ханами. Очевидно, это было связано с несколькими соображениями. Во-первых, тетя это всегда член «большого» или «великого» посольства, в которое еще и входил секретарь-бакши. Во-вторых, это посольство было призвано заключать союзы, мирные договоры, вырабатывать шерти. Все это относилось к области большой внешней политики и было прерогативой ханов. По социальному положению тетя – принадлежали к разным привилегированным слоям Крымского и Казанского ханства среди них могли быть огланы, представители племенной аристократии и ички. В Казанском ханстве почти все известные нам тетя – это племенные беки. Впрочем, при анализе казанского кейса надо помнить, что мы оперируем исключительно данными русских летописей. Летописи в этом вопросе консервативны и термин «тетя» не используют, но передавая сведения о больших казанских посольствах, они четко придерживаются трехчастной структуры организации ханских посольств. При такой передаче сведений первую позицию занимала персона посла, бакшей всегда третий, а следовательно, на второй позиции помещался «тетя». Приведем данные:

Март 1527 г. Казы-бек, Чюра-бек, Девел-бакшей. [14, с. 45].

1528/29 г. Табай-бек, Дана-бек, Ибрагим-бакшей. [14, с. 46].

1530/31 г. Табай-бек, Тевекель-бек, Ибрагим-бакшей. [14, с. 54].

¹² О выплатах послам и содержании ордынских посольств см.: [18, с. 170–171].

1533 г. Аппай-улан, Кадыш-бек Отучев брат, Кутлу-Булат князь Городецкий, Евтек-бакшей. [14, с. 69].

1534 г. Кудай-улан, Бурнак, Козя-Охмат-бакшей. [14, с. 79].

1546 г. Алаберди-оглан, Тевекель-бек, гонец Чапкун-мирза Отучев, Агиш-молла-задэ-бакшей. [14, с. 148].

1551 г. большой карачи Ширин Муралей-бек, дворецкий Шабас-бек Шамов, Абдула, большой бакшей казанский. [14, с. 171].

Итак, мы можем составить список тетей Крымского и Казанского ханств в той полноте, какую нам дают сохранившиеся источники. Нам, известны тети Крымского ханства: Абдел-Авель ших-заде (1508 г.), Али-челеби (1534 г.), Абдулла-бек (1536 г.), Еди-оглан (1536 г.), Аиким-берди (1538 г.), Газы (1545 г.), мулла Абдил-Салям (1578 г.). Для Казанского ханства нам известны: Чюра-бек (1527 г.), Дана-бек (1528/29 г.), Тевекель-бек (1530/31, 1546 г.), Кадыш-бек Отучев брат (1533 г.), Бурнак (1534 г.), дворецкий Шабас-бек Шамов (1551 г.). Как видим для Казанского ханства характерно замещение должности тетя представителями племенной аристократии.

Кроме тетей в состав больших посольств всегда входили бакшей. Рассмотрим сведения источников о них. В отличие от тетей, бакшей в русских посольских материалах упоминаются всегда. Можно полагать, что для русских термин «бакшей» не был нагружен отрицательной содержанием. Всего по источникам удается обнаружить 18 крымских бакшеев и 8 казанских бакшеев. Приведем краткие данные о них. В конце XV в. в Москву к Ивану III в составе посольств Менгли-Гирея приезжал бакшей Халил [15, с. 29, 79, 174], В 1493 г. послом Менгли-Гирея к Ивану III был бакшей Иш-берди [15, с. 176]. Весьма часто упоминается бакшей Менгли-Гирея – Тактар-абыз [15, с. 500, 501, 503, 550–551, 553]. Касым-бакшей входил в состав посольства Менгли-Гирея к Василию III [16, с. 20, 244, 355]. В послании Менгли-Гирея февраля 1498 г. упоминается, что Муртозу-бакшей послал к «турскому» [15, с. 263–266]. Азек-бакшей, возможно, член двора Мухаммед-Гирея, в 1516 г. ездил к русскому послу. Дважды ездил в составе посольских миссий в Россию (1518 г. и ранее) [16, с. 291, 495, 499]. Дана-афыз – бакшей, посол от Багатырь султана в 1518 г. [16, с. 511, 512, 514, 523, 525]. Уже известный нам Али-челеби, упоминается не только как тетя, но и как бакшей¹³. Акмолла-бакшей входил в состав большого посольства Ислам-Гирея в 1536 г.¹⁴ Крымскую шерть писал в мае 1539 г. Джан-Али-бакшей (Ян-Али-бакшей, Ян-Али-Дуван) – бакшей Сахиб-Гирей-хана¹⁵. Бакшей Ша-Ислам-Дуван входил в состав большого посольства Сахиб-Гирея в августе 1545 г.¹⁶ Абдыл-Слам (Абдыл-Ислам, Абыслам) – бакшей, упоминается в послании от Сулейманши (Сулеша) бека Яшлавского царю Ивану Васильевичу от января 1564 г. Упоминается в составе переговорной комиссии к русским послам в Крыму 3 февраля 1567 г., 3 мая 1567 г., 4 октября 1567 г.¹⁷ [13, с. 70–71, 91–92, 105]. Бакшей Казанского ханства Бозек (Бузюк, Бозюк, Базюк) был в Москве с дипломатической миссией трижды: в 1507 г., в феврале 1512 г., в 1517 г. [14, с. 5,

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 162об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 301.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 618–619.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 9. Л. 5.

¹⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 10. Л. 359.

14, 25]. Девел-бакшей в марте 1527 г. прибыл в Москву в составе представительного посольства [14, с. 45]. Обреим-бакшей (Ибреим-бакшей) приезжал в 1528/29, 1530/31 гг. в составе посольства в Москву [14, с. 46, 54, 56]. Евтек-бакшей 6 июня 1533 г. прибыл в составе большого посольства [14, с. 69]. Али-бакшей (Козя-Охмат-бакшей) в апреле 1534 г. в составе большого посольства в Москве [14, с. 79, 81]. Агиш-молла-задэ-бакшей, после 13 июня 1546 г. в составе большого представительного посольства [14, с. 148]. Ангилдей-абыз 11 августа 1551 г. входил в состав посольства Кудугул-улана и Муралей-бека о высылке в Москву Сююн-бике и Утямыш-Гирея [14, с. 168]. Абдулла-бакшей, упоминается в 1549–1550 г. как эмигрировавший в Ногайскую Орду. В 1549 г. отправлял послание Ивану Грозному. В октябре 1551 г. в составе посольства в Москве [12, с. 301–302, 320–324; 14, с. 171.]. Кроме крымских и казанских бакшеев известны ногайские и сибирские. Впрочем, бакшей Ногайской Орды известны для конца XV в., но не как участники посольств, а как составители грамот ногайских мирз. Абекир-мулла, бакшей писал грамоты Ямгурчи-мирзы в 1489, 1490 г. и Мухаммед-мулла, бакшей, писал грамоты Мусы-мирзы в 1489 г. Послом сибирского хана Ибака в 1489 г. был Кул-Дербыш-бакшей [15, с. 82, 83, 95, 108].

Легко заметить, что синонимом «бакшей» являлось слово «афыз»/ «хафиз». Очевидно, что в канцеляриях постордынских государств старое слово «бакшей», связанное с доисламской культурой Золотой Орды, постепенно замещалось на более отвечающее условиям мусульманской канцелярии «хафиз». Однако в русской канцелярии вплоть до конца XVI столетия сохранялся высокий статус термина «бакшей» [1, с. 61–71]. Бакшей чаще всего связаны с личным двором хана, у нас сохранились прямые упоминания такой связи. Участвуя в посольствах бакшей были не только секретарями миссии, но и выступали составителями, техническими авторами шертей. 21 декабря 1508 г. крымская миссия в составе посла Магмедши-бека, тетя Абдел-Авель шихзадэ и бакшея Касыма дала «шерть царевую Менли-Гиреевою душею». Затем должен был шертовать Абд ал-Летиф и «да тем двема записям татарским писмом царева бакшея Касымова писма быти у меня с печатью с твоею с царевую Абдыл-Летифовою и с вашими печатми с пословыми», то есть Касим писал шерти и за Менгли-Гирея и за Абд ал-Летифа. «И Магмедша Касыму бакшею записи шертные писати велел», такой же приказ Касиму дал и великий князь Василий III. Сам этот процесс источники описывают следующим образом: «... те записи шертьные писати с Феодором с Карповым у Феодора на подворье с руского писма слово в слово, а диаку Луке велел те записи написати руским писмом, а велел те записи изготовити диаку Луке руским писмом, а Касыму бакшею татарским писмом к неделе, декабря 24» [16, с. 43 – 44]. Шерть «татарским письмом» должна была храниться у великого князя и ее запечатал Абд ал-Летиф своею печатью, а послы своими печатями. Шерть давали Абд ал-Летиф и крымские послы у великого князя в избе брусной. При процедуре шертования присутствовали бояре. Коран держал «Болтачь, Мамыш-моллин сын; а записи шертные чел Лука диак, а толмачил Федко Малой, а Федор Карпов туто же был» [16, с. 45]. О составлении шертей бакшеями Крымского ханства есть и другие свидетельства. Так, в 1539 г. Джан-Али-бакшей по распоряжению великого князя Ивана IV писал шертную грамоту «...с тое грамоты, какова была грамота отца твоего у отца

нашего ... слово в слово...»¹⁸. Итак, функции бакшеев в документах четко очерчены. Они пишут послания и пишут шертные грамоты. Можно полагать, что они не просто входили в состав двора Чингизидов, а составляли их личные канцелярии, а в посольствах возглавляли посольскую канцелярию.

Итак, приведенные материалы позволяют сделать нам ряд осторожных предположений. В постордынских государствах мы можем наблюдать процесс образования дипломатической службы, который можно охарактеризовать как постепенное переформатирование старых ордынских институтов. Как установлено Ю.В. Селезевым, С.А. Масловой в Золотой Орде посол имел не столько дипломатическое значение, сколько контролирующие функции в управлении русскими землями. Послы и тети были связаны с практиками подчинения покоренных земель и взимания с них различных поборов. В 1474–1475 гг. великому князю Ивану III удалось упразднить пошлыны, которые могли взимать татарские посольства в счет хана и с этого времени мы можем наблюдать формирование посольской организации в государствах Чингизидов. Довольно рано, как минимум с начала XVI в., она имеет трехчастную структуру посольство–бакши, вполне возможно, что эта структура восходит к еще ордынским государствам. Более того такая структура характерна для больших посольств и только для ханов-Чингизидов. Все остальные, и Чингизиды в том числе, отправляли послами представителей своих личных дворов. Возможно, что известные нам тети это те же самые «пошлинники» известные нам из послания Ивана III и, следовательно такая трехчастная структура ханских посольств могла быть связана со взиманием выплат с русских земель, на которые все остальные члены правящей верхушки права не имели. Кстати, можно полагать, что именно поэтому русские источники подвергали слово «тетя» политике забвения: летописи последовательно, а русские посольские документы фиксируют его довольно эпизодично и тем чаще, чем больше времени от ордынской зависимости прошло. Однако для окончательного вывода поэтому вопросу необходимы еще дальнейшие исследования.

В целом можно признать, что в постордынских государствах сформировалась организация дипломатической службы. Появляются люди, которые профессионально занимаются обеспечением внешнеполитической деятельности государства, но это еще не привело к оформлению профессиональных организаций. В Крымском ханстве источники фиксируют институт амиятства, который был связан именно с организацией внешнеполитической деятельности, но этот институт был персонифицирован и монополизирован в руках нескольких семей. Эти семьи финансировались не только государственной казной, но и (возможно в большей степени) средствами иностранной казны, в виде персональных «поминок». Так же нам известно, что в Крымском ханстве существовала практика размещения иностранных посольств. Все это позволяет признать, что дипломатическая служба частично сформировалась в Крымском ханстве, в других же постордынских государствах, по ряду причин, это или не произошло или произошло частично.

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 618.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В. Бакшей – эволюция понятия // Восток (Oriens), 2021, № 4. С. 60–71.
2. Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 26–73.
3. Виноградов А.В. Состав политической элиты Крымского ханства в 1560 – 1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 25–41.
4. Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001. С. 65–97.
5. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. 230 с.
6. Дипломатическая служба: Учеб. пособие / [Редкол.: А.В. Торкунов (пред.) и др.]. М.: Росспэн, 2002. 686 с.
7. Зайцев И.В. Кто такой теть? // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 29–34.
8. Зайцев И.В. Где останавливались крымские послы в Москве и московские послы при дворе крымского хана в XVI в.? // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 35–51.
9. Маслова С.А. Ордынские послы на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2015а, № 3(61). С. 82–83.
10. Маслова С.А. Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2015. 154 с.
11. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. 452 с.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.
13. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Русские витязи, 2016.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
15. Сборники русского императорского исторического общества. Т. 41. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. 638с.
16. Сборники русского императорского исторического общества. Т. 95. СПб.: Товарищество С.П. Яковлева, 1895–788 с.
17. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
18. Селезнев Ю.В. Выплаты русских князей «во все татарские проторы» // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 3. С. 168–185.
19. Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные отношения России до XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 266–375.

Сведения об авторе: Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimoseev@yandex.ru

Поступила 21.06.2023 Принята к публикации 22.08.2023
Опубликована 29.09.2023

REFERENCES

1. Belyakov A.V. Baksheys: Evolution of the Concept. *Vostok (Oriens)*. 2021, no. 4, pp. 60–71. (In Russian)
2. Vinogradov A.V. The Sulesh family in the foreign policy of the Crimean Khanate of the second half of the 16th century. *Turkological collection. 2005: The Turkic peoples of Russia and the Great Steppe*. Moscow: Oriental Literature, 2006. P. 26–73. (In Russian)
3. Vinogradov A.V. Political elite of the Crimean Khanate in 1560–1590s. *Vostok (Oriens)*. 2016, no. 5, pp. 25–41. (In Russian)
4. Halperin Ch. The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Russian Religious Frontier. *American Russian studies. Milestones of historiography in recent years. Period of Kiev and Moscow Rus'. Anthology*. Samara, 2001, pp. 65–97. (In Russian)
5. Halperin Ch. *The Tatar Yoke: the Image of the Mongols in Medieval Russia*. Voronezh, 2012. 230 p. (In Russian)
6. Torkunov A.V. (ed.) *Diplomatic Service: Textbook*. Moscow: Rosspen, 2002. 686 p. (In Russian)
7. Zaitsev I.V. Who is “tet”? *Golden Horde civilization*. Iss. 4. Kazan, 2011. P. 29–34. (In Russian)
8. Zaitsev I.V. Where did the Crimean ambassadors stay in Moscow and the Moscow ambassadors at the court of the Crimean Khan in the 16th century? *Crimean Historical Review*. 2016, no. 2, pp. 35–51. (In Russian)
9. Maslova S.A. Horde ambassadors in Russia. *Ancient Russia. Questions of Medieval Studies*. 2015, no. 3(61), pp. 82–83 (In Russian)
10. Maslova S. A. *Institutions of the Horde power over Russia (baskaks, darugs, ambassadors)*. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Moscow State University Publ., 2015. 154 p. (In Russian)
11. Novoselsky A.A. *The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. 452 p. (In Russian)
12. *The Book of Embassies on the Relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549*. Makhachkala, 1995. (In Russian)
13. *The Book of Embassies on the Relations between the Muscovite State and Crimea, 1567–1572*. Otv. redaktor M.V. Moiseev; podg. teksta A.V. Malov, O.S. Smirnova; stat'i, komment. A.V. Vinogradov, I.V. Zaytsev, A.V. Malov, M.V. Moiseev. Moscow, 2016. (In Russian)
14. Complete Collection of Russian Chronicles. Moscow, 2000. Vol. 13. (In Russian)
15. Collections of the Russian Imperial Historical Society. Vol. 41. St. Petersburg: Printing house of F. Eleonsky and Co., 1884. 638 p. (In Russian)
16. Collections of the Russian Imperial Historical Society. Vol. 95. St. Petersburg: S.P. Yakovlev Partnership, 1895. 788 p. (In Russian)

17. Seleznev Yu.V. *Russian princes as part of the ruling elite of Juchiev ulus in the 13th–15th centuries*. Voronezh: Central Chernozem Book Publishing House, 2013. 472 p. (In Russian)

18. Seleznev Yu.V. Payments by Russian princes “for all Tatar protory”. *Shagi / Steps*. 2022, 8(3), pp. 168–185. (In Russian)

19. Schmidt S.O. On the characteristics of Russian-Crimean relations of the second quarter of the 16th century. *International relations of Russia to the 17th century*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. P. 266–375. (In Russian)

About the author: Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

*Received June 21, 2023 Accepted for publication August 22, 2023
Published September 29, 2023*